

Павел Иевлев
Мария Иевлева

ДОМ ЖИВЫХ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
ИЗО

Иевлев П., Иевлева М.

ИЗО Дом живых / П. Иевлев, М. Иевлева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 572 с.

ISBN 978-5-521-91000-7

Добро пожаловать на Альвирах — архипелаг гравитационно-магических масс, кифандиров, оставшийся от целой некогда планеты. Здесь безрассудная борьба за власть стирает с карты города и государства, преступность и коррупция расцвели на руинах великих Империй, Дома Демиургов правят силой и обманом, исполинские древние твари формируют реальность, зловещие уроды крадут сны беззащитных и опрометчивых...

Но наша история не об этом. Она о маленьком провинциальном театре, поставившем пьесу масштабом в целый мир

Итак: на крупнейшем из шести известных кифандиров, Конечном Крае, на западном полуоконтиненте, в государстве под названием Чело, стоит город...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91000-7

© Иевлев П., Иевлева М.,
текст, иллюстрации, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Арка первая

ПОРТ ДАЛЬ

Глава 1. Обитатели «Скорлупы»

Мастер игры:

— Добро пожаловать на Альвирах. Архипелаг гравитационно-магических масс, кифандиров, оставшийся от целой некогда планеты. От холодного вакуума космоса его отделяет Край — прослойка неструктурированной материи неизвестного происхождения.

Нынешний Альвирах — тень себя прежнего: безрассудная борьба за тепло и энергию стирают с карты нацию за нацией; преступность и коррупция расцвели на руинах великих цивилизаций; исполинские древние твари формируют реальность, а зловещие уроды крадут сны беззащитных и опрометчивых. Над его жителями горит рукотворное солнце, их летучие замки царапают пустые небеса, а города-ладьи ходят по морю и воздуху...

Наша же история начинается с малого. На крупнейшем из шести известных кифандиров, Конечном Крае, на западном полуоконтиненте, в государстве под названием Чело стоит город.

Итак, мы находимся в Порте Даль, в городе, который, как и следует из его названия, является основным портом Конечного Края. Это место, пропускающее непрерывный поток грузов и товаров, а также людей и иных разумных Альвирах. Сотни паломников и туристов, торговцев и бродяг, контрабандистов и разбойников прибывают сюда сухопутными караванами, чтобы сесть на очередной корабль, идущий в город-государство Корпору. Бывшая столица Империи, представляющая собой средоточие власти, денег и роскоши, влечёт к себе как праздных, так и корыстных путников. Именно в Корпоре расположено Гнездовище, где пребывает Нефилим Конечного Края, Вечна Нашёптанная, Большая Птица, Расставляющая Звёзды — каждый разумный континента мечтает совершить паломничество под сень её крыл.

Порт Даль сильно пострадал в ходе Смутных Времён, и большая часть городской застройки постимперская, однако несколько древних зданий города не смогли разрушить ни пираты, ни мятежники, и они вышаются среди портовой архитектуры величественными памятниками павшей Империи. Одно из них — «Скорлупа», огромное пафосное сооружение с колоннами, витражами и серебряным куполом, вознёсшимся так высоко, что многочисленные захватчики не смогли растащить все листы с кровли. Сейчас этот исторический памятник в основном пустует, поскольку его новому владельцу так много места не нужно.

Второй этаж «Скорлупы» подслеповато смотрит на мир потускневшим цветным витражом — настолько старым, что разобрать картинку уже невозможно. Света с улицы проникает немного, а тот, что пробивается через слой пыли, покрывший потерявшие яркость окраски стёкла, образует на полу мешанину невнятных цветных пятен. Тут среди стопок томов сомнительного содержания и куч сентиментального хлама и обитает хозяин. Первый игрок, будьте добры, опишите своего персонажа.

Первый игрок:

— Моего героя зовут Полчек из Дома Кай, хотя его право называться именем дома сомнительно. Он высок, худ и несколько сутул — то, что выглядит со стороны как дефект осанки, на самом деле гипертрофированные лопатки, так и не развившиеся в крылья. Он полуэльф, или даже четверть-ну-может-треть-эльф. Неисчисляемую часть его родословной составили «маховики», крылатые кровные Вечны Нашёптанный; своим щуплым телосложением и проблемами с позвоночником он обязан этой наследственности. Передвигаться ему помогает тонкая, металлическая, выглядящая серебряной трость.

Полчек рано начал сидеть, что сказалось на его экстравагантной шевелюре — свисающие до лопаток волосы, отчасти распущенные, отчасти заплетённые в тонкие аккуратные косички. На каждой из них красуется по две-три крупных разноцветных бусины. В прочих деталях имиджа мой герой изыщен, но сдержан, и производит впечатление достойного, но несколько поиздержавшегося дворянина. Одевания его выдают работу недешёвого портного, но явно видали лучшие дни.

Сейчас он по своему обыкновению сидит за письменным столом, согнувшись в три погибели.

— Господин, ваш кофий!

— Надо говорить «ваш кофе», Франциско, — безнадежным тоном напоминает Полчек.

Эта фраза заменяет им «Доброе утро» все те годы, которые престарелый гоблин служит дворецким в Доме Кай. Ежедневный ритуал, включающий в себя такое же ежедневное игнорирование.

Франциско Шнобель Пятый обладает безупречно развитым навыком выборочной глухоты, несмотря на огромные буро-зелёные уши, торчащие из-под засаленного белого паричка, держащегося на лысой шишковатой голове каким-то чудом. Он с поклоном ставит чашку на резной столик рядом с хозяйским креслом и недовольно щурится на цветные, прошедшие через витраж кабинета лучи солнца. Наряженный в пыльный сюртук и короткие штанишки дворецкий ухитряется принять величественный вид, застыв рядом с номинальным главой официально несуществующего Дома.

Полчек отхлёбывает кофе и кривится.

— Франциско!

— Да, господин?

— Ты опять насыпал в кофе соль вместо сахара.

— Как было мне завещано отцом, — строго отвечает гоблин, — Франциско Шнобелем Четвёртым, в кофий следует класть две ложки белого порошка из второй банки слева. Таков рецепт, господин, и он исполнен в точности.

— Франциско.

— Да, господин.

— В моём проклятом кофе проклятая соль. Клянусь клоакой нефилима, если это повторится ещё раз, я запихаю её тебе в глотку вместе с банкой!

— Рецепт исполнен в точности, господин, — отвечает ничуть не испуганный гоблин.

— Франциско!

— Да, господин.

— Ты опять без очков? — констатирует очевидное Полчек. — Услуги оптомеканика обошлись мне недешево. Особенно с учётом доплаты за стресс. Ты чуть не откусил палец кобольду-оптометристу.

— Мне не нужны очки, господин. Я вовсе не стар и надеюсь служить вам ещё долгие годы, — Франциско кланяется, в последний момент поймав падающий с головы паричок. — А кобольды — зловредные твари, и нечего им тянуть свои грязные конечности к глазам честного гоблина! Уверен, они специально проникают по ночам на кухни и переставляют баночки с порошками, чтобы люди купунали их лживые стёкла.

«Почему я это терплю?» — привычно думает Полчек, отхлёбывая солёный кофе.

Можно отправить гоблина сварить новый, можно пойти и сварить самому. Правда, после этого Франциско будет месяц ходить воплощённой укоризной, каждым жестом демонстрируя, как он оскорблён недоверием.

«В конце концов, ему уже под тридцать, — в очередной раз напоминает себе Полчек, — для гоблина это глубокая старость. Проще предоставить события их естественному течению. Да и к солёному кофе я почти привык. Ещё год, ну два. В крайнем случае, три. К счастью, Франциско Шнобеля Шестого мой дворецкий не обеспечил, а значит, его род прервётся. Собственно, как и мой».

— Франциско!

— Да, господин?

— Репетиция уже началась?

Гоблин развернул слегка обвисшие с возрастом уши в сторону задней двери и, прислушавшись, недовольно проворчал:

— Эти бездельники, бездарности и пьяницы уже на сцене. Репетируют свой очередной провал. Как по мне, зря теряют время. Они и без репетиций успешно превращают ваши гениальные сценарии в безобразный пошлый балаган.

— Ты слишком строг к ним, Франциско, — вздыхает Полчек. — Иногда они недурно импровизируют.

— А что остаётся делать тем, кто не может запомнить роль? — фыркает гоблин.

«Годы проживания возле сцены превращают в театральных критиков даже прислугу, — думает Полчек, направляясь к двери. — Это, наверное, магия искусства. Или медленное отравление пылью кулис».

Задняя дверь кабинета ведёт в маленькую ложу, откуда сцена видна сверху и сбоку. Полчек выходит на неё тихо, осторожно прикрывая за собой скрипучую дверь, но даже если бы он топал, как боевой слон, это не имело бы значения. Внизу, как выражается режиссёр Пан, «рождается великое искусство». Роды, как им и положено, сопровождаются громкими криками, преисполненными неподдельного страдания.

— Испражнение низших демонов! — надывается режиссёр.
— Срыгнутый горным троллем копролит! Лежалый помёт гарпии! И это я ещё польстил твоей актёрской игре, будь уверен!

— Но, господин Пан... — растерянно разводит руками наряженный в дражное женское платье молодой человек.

— Для тебя Панургодормон! — злобно подпрыгивает режиссёр. Копытца выбивают на сцене свирепую чечётку, борода трясётся, глаза горят негодованием. Юноша с опасением косится на его кри-вые, но весьма острые рога.

Панургодормон имеет внешность крупного чёрного козла, и хотя на самом деле является демоном-патроном гномихи-ворлока Фаль Жеспар, характер его соответствует физическому облику.

«Впрочем, не таковы ли все режиссёры?» — меланхолично думает наблюдающий за сценой сверху Полчек. Солёный кофе остыл и стал окончательно несъедобен, владелец театра отставил его на ограждение ложи.

Пьеса, которую с переменным успехом пытается ставить труппа, называется «Тихий ужас». Это художественно переработанная Полчком биография последней Верховной Птахи Империи — Падпараджи Единождымученицы. Трагическая история любви, основанная на слухах, что в молодости у неё случился бурный и страстный роман с замужней оперной дивой Мьёй Алепу. Имя Мьи упоминалось биографами Падпараджи неоднократно, их связь считалась историческим фактом, хотя в её пользу говорит лишь то, что этот период жизни Верховной Птахи зияет незаполненными лакунами. Причиной считается то, что личная жизнь артистов в Диаэнкевале времён Империи утверждалась неприкосновенной. Не ради

их блага, а из государственных соображений. Актёры редко являются образцом этики и высокоморального поведения, а если публика узнает, что имперского чиновника, а то и самого Императора, играет какой-нибудь пьяница, бабник или дурак, это могло плохо сказаться на авторитете правящей династии.

Полчек придал гипотетической любовной связи будущей Верховной Птахи и оперной звезды новый трагический поворот. Известно, что уроженка Оранжи Мья Алепу после своих оперных триумфов внезапно получила смертный приговор за сожжение местного пташеского монастыря. В сюжете пьесы муж Мьи узнаёт о её преступной связи, угрозами вынуждает певицу уйти в монастырь и насильно принять посвящение. Но страстная и весьма деятельная Падпараджа даль'Обигни (тогда ещё не Единождымученица) проникает в монастырь и похищает свою любовницу. А что в процессе монастырь сгорел ко всем демонам Края — ну что же, любовь того стоила, а пьеса тем более. В Империи за такую трактовку биографии Верховной Птахи можно было бы запросто лишиться чего-нибудь нужного. Например, головы. Но те времена прошли, да и сама Падпараджа была казнена в 317-м. Причём отнюдь не за мелкие грехи молодости, типа спалённого ради любовницы монастыря, а просто потому, что Империя пала и «горе побеждённым».

По указу Консилиума Верховная Птаха была подвешена за большие пальцы над Осьмишёлковым променадом. Историки пишут, что она провисела там неделю, после чего пропала, оставив в оковах эти самые пальцы — что стало источником множества легенд о том, что Падпараджа спаслась и однажды возвратится, восстановит Империю, и те золотые (как кажется потомкам) деньки вернутся. Но Полчек считал, что с ней произошло то, что обычно происходит с повешенными. К тому времени на руинах Империи творился такой кровавый бардак, что удивляться пропаже тела не приходится.

Вызвавший гнев Пана молодой человек играет как раз любовницу Падпараджи, Мью Алепу, и его натянутое поверх штанов